

Александр Аузан

Открытое письмо исследователю и мыслителю Арсению Рогинскому от его друга

Дорогой Сеня!

Мне, как наверняка и Вам, идея широко отмечать 70-летие человека кажется довольно странной. Дело в том, что такого рода даты правильно было широко отмечать в прошлые времена, когда было мало оснований ожидать, что человек продолжит свою активную деятельность за пределами этого возраста. Сегодня все не так. Мы живем в эпоху великого демографического сдвига, когда по крайней мере образованные классы стали жить так долго, что ученые вспомнили, что 120 лет являются биологически заложенной продолжительностью человеческой жизни. Но я, собственно, не об этом. Я о том, что начинается в семьдесят.

Хочу напомнить Вам, дорогой Арсений Борисович, что в некоторых науках, например в философии, возраст научной зрелости всегда был довольно высоким. Иммануил Кант написал диссертацию, где была выдвинута гипотеза о происхождении мира, в 68 лет... Пора, Сеня, пора!

Я хотел бы изложить, как мне видится Ваша жизнь, которую Вы, разумеется, знаете гораздо глубже и в деталях, но, возможно, мне она кажется более цельной и логичной ровно потому, что мне неизвестны подробности.

Как можно представить портрет Арсения Рогинского в интерьере времени?

Советское время. Как Рогинский становится диссидентом (а потом и политзаключенным)? На мой взгляд непросвещенного человека, ситуация весьма понятная, где точкой поворота стала Ваша работа над историей ленинградской блокады, над восстановлением (установлением) истинной картины. Вас вели не политические или гражданские идеи, а дух исследователя, который должен закончить работу, несмотря на то, что она становилась опасной. Вы поступали подобно тому, как, кажется, Плиний Старший, который во время извержения Везувия бежал не от вулкана, а к вулкану, чтобы изучить его действие. Вот таким же образом Вы, отстранив молодых от этого исследования, продолжили работу и в итоге прошли весь круг необходимых злоключений советского диссидента. И были встречены (в том числе) криминальным сообществом и системой исполнения наказаний как уважаемый политзаключенный.

Когда эпоха переменилась и Вы вместе с Сергеем Адамовичем Ковалевым и другими коллегами провели необходимую работу по освобождению и реабилитации политзаключенных, перед Вами лежали разные пути и дороги. Можно было пойти в политику, куда и направился, например, Сергей Адамович. Почти невозможно было идти в науку, потому что в это время люди из науки либо уезжали за границу, либо просто искали себе другое занятие, обеспечивающее хоть какое-то выживание. Вы же направились в сферу некоммерческого сектора, впоследствии получившего гордое название «гражданского общества». Почему так?

Главная проблема российской политики 90-х годов, которую, думаю, Вы понимали раньше всех, состояла в том, что никакая политическая деятельность невозможна, если она не основывается на более сложных видах общественной жизни. Если этого нет, то министр командует депутатами, депутаты командуют партией, партия пытается командовать некоммерческими организациями – то есть все работает с точностью до «наоборот». Поэтому Вы, на мой взгляд, занялись строительством более сложных вещей, поиском тех правильных механизмов, которые создавали бы общественную деятельность, формировали гражданское общество.

«Мемориал» оказался той редкой общественной организацией, которая состояла не только из инициаторов, но и из огромного числа людей, которые были в нее включены историей своей жизни и тем самым своими самыми главными интересами. Вы участвовали в придумывании и

создании уникальной для этого периода общественной организации, в которой действительно участвовало общество, а не только городские сумасшедшие и люди, окончившие программы западных университетов про некоммерческую деятельность. При этом Вас все равно истинно увлекали вещи, связанные с нахождением решения сложных вопросов. Вы сами признавались, какой значимой для Вас была работа с Гауком, будущим Bundespräsident, президентом Германии над законодательством об архивах. Может быть, это наиболее крупный Ваш исследовательский проект 90-х годов, который известен всей Европе (позвольте Вам об этом напомнить).

Думаю, что уже тогда Вам было понятно, что Ваши любимые занятия, а именно – «считать трупы», являются только предысторией размышлений более широких и серьезных, к которым Вы всегда, видимо, были расположены и как историк, и как (опять я осмелюсь напомнить) любимый ученик Юрия Михайловича Лотмана.

За дружеским столом Вы потрясли меня разговорами о том, что вообще-то непонятно, как заканчиваются мировые войны. Что Первая мировая война была закончена началом Второй мировой войны, а длительный мирный промежуток после Второй мировой войны все равно заставляет стучать барабаны в душах и сердцах, и война все время ждет на пороге, потому что Вторую мировую войну, вообще говоря, пока никто не закончил. Ваши размышления об этом оказались необычайно важными для теперешнего периода, когда барабаны бьют гораздо громче, а незавершенность Второй мировой войны оборачивается призраками повторения прежних способов завершения войн, завершения путем начала новых. Кажется, мы уже наблюдаем некоторые шаги в этом стиле. Поэтому, дорогой Арсений, мне кажется что сейчас гораздо важнее довершение этих Ваших размышлений, чем несомненно важные переживания о трудной исторической эпохе и старания спасти результаты многолетних трудов. Потому что в чем, собственно, суть трудности этой эпохи? В том, что она не может найти свою правильную историческую идентификацию, не может различить, где начинается война и как сделать так, чтобы она закончилась, то есть требует от Вас, уважаемый Арсений Борисович, чтобы Вы оторвались от многих организационных дел и предались разговорам и размышлениям, на которые, поверьте, у Вас есть еще немало времени.

Вы знаете, Сеня, если мне не удавалось в частных разговорах убедить Вас, что Вы не просто должны (для Вас это слабый аргумент), а Вам ХОЧЕТСЯ сделать то, что Вы сделать можете, то сегодня, я надеюсь, мне удастся убедить Вас этим открытым письмом.

В этом письме я слишком часто говорил «кажется», «по-моему», «представляется»... В конце 2015 года, когда мы встречались с Михаилом Сергеевичем Горбачевым, он сказал, когда я начал говорить слово «кажется»: «Пока тебе кажется, ты лучше помолчи. Ты скажи – "я уверен"». И я завершаю это письмо так, как предложил Михаил Сергеевич.

Арсений, я уверен, что Ваше предназначение мыслителя и исследователя требует Ваших усилий. Ваш талант должен реализоваться для нас и может принести достойные плоды Вам, и не только Вам. Пожалуйста, Сеня, услышьте меня.

Ваш Александр Аузан